

Алексей Олейников

ДЖЕННИ & ДАЛФИН

И СКРЫТЫЕ ЗЕМЛИ

1

ДЕВОЧКА И ХИМЕРА

Абрикобукс

художник Тамара Мартынова

Дженни Далфин и Скрытые Земли

Алексей Олейников

Девочка и химера

«Абрикос»

2010

УДК 82.161.1-053.2
ББК 84 (2=411.2) 6

Олейников А. А.

Девочка и химера / А. А. Олейников — «Абрикос»,
2010 — (Дженни Далфин и Скрытые Земли)

ISBN 978-5-6047794-6-0

Еще в начале августа все в ее жизни было просто и понятно: она, Дженни Далфин, внучка и ассистентка фокусника Марко, жила и работала в циркешапито. У нее были друзья – воздушные акробаты Эдвард и Эвелина, силач Людвиг и его помощник Джеймс. У нее были враги – дрессировщик Роджер, хам и грубиян, и его ученик Кaleb. Но однажды ночью все изменилось. Дженни проведала, что в цирке держат контрабандных животных, и решила их освободить. Кто же мог знать, что это не простые животные, а магические! Кто вообще мог подумать, что в мире еще осталось колдовство, что их цирк вовсе не цирк, а древнее братство МАГУС и сама она – полноправный член этого сообщества, а значит, должна понести за свой проступок суровое наказание. Но сначала девушке предстоит поймать ледяную химеру, страшное волшебное существо, которое она выпустила из клетки.

УДК 82.161.1-053.2
ББК 84 (2=411.2) 6

ISBN 978-5-6047794-6-0

© Олейников А. А., 2010
© Абрикос, 2010

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	20
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Олейников
Девочка и химера. Дженни Далфин
и Скрытые земли. Книга первая

© Олейников А. А., 2010
© Мартынова Т. Ф., 2021
© ООО «Издательство «Абрикос», 2022

Глава первая

– Дженни, деточка, что ты делаешь? – спросил Эдвард.

Таким спокойным голосом может говорить школьный учитель, уставший от ошибок после долгих объяснений. Вздохнет такой педагог, поправит очки тонкими пальцами, испачканными мелом, и обернется на класс. Вот только Эдвард, с узким лицом и злыми складками возле рта, совершенно не был похож на учителя. К тому же учителя обычно не лежат на металлических помостах посреди циркового манежа и не подбрасывают ногами в воздух юных девушек в серебристом трико.

– Разве это сальто? – продолжал Эдвард. – Это издевательство над зрителями. Эвелина, хоть ты ей скажи.

Сестра Эдварда пожала плечами. «Мое дело маленькое, – читалось на ее лице. – Стою на манеже и подхватываю Дженни в конце трюка. Четвертый час так стою. Надоели вы мне».

Дженни молча балансировала, опираясь лишь левой ступней на подошву правой ноги акробата.

– Еще раз! Работаем! – рявкнул Эдвард и подбросил Дженни в воздух.

Девочка взмахнула руками и, используя энергию броска Эдварда, подлетела вверх, уже в воздухе подтягивая колени к груди и переворачиваясь через голову.

Закрепленные на штангах под высоким куполом шатра прожекторы светили вполсилы: директор Морриган вечно экономил на дизельном топливе для генератора. Полумрак темной водой затопил зрительный зал передвижного цирка «Магус», разлился под сиденьями, затек за выключенные софиты, захлестнул решетки и крепежные штанги купола, омутами свернулся в дверных проемах, и сквозь толщу этой воды смутно желтело пятно манежа.

Раз – и Дженни, как серебристая рыбка, взметнулась над свежими, остро пахнущими смолой опилками, сделала кувырок, плеснула сложенными ножками и ушла на глубину.

– Опля! – девочка встала точно на плечи Эвелины и радостно раскинула руки. – Встречайте! На манеже – Дженни Великолепная, звезда цирка «Магус»!

– Плохо, Дженни, никуда не годится, – фыркнул Эдвард, утирая лицо платком. – Тебе выступать через два дня, а сальто назад – хуже некуда. Дергаешься, как под током.

– Хоть бы спасибо сказал, – почти без обиды заметила Дженни, спрыгнув на манеж. – У меня основной номер – фокусы вместе с Марко. А тебе я просто помогаю. Сам же просил. А теперь обзываешься.

– Ты согласилась, – не сдавался Эдвард. – Так что не надо отлынивать. Давай еще раз.

– Эд, хватит, – взмолилась Дженни. – Сколько можно? Я голодная!

Эдвард был изумлен. Оскорблен. Фраппирован.

– И эта неженка – дочь Эдны и Роберта? Тебя что, эльфы в колыбели подменили? Или Марко привез сиротку из католического приюта? А может...

Эвелина кинула ему в лицо полотенце.

Эдварда это не успокоило, но заткнуло. Мгновение они мерились мрачными взглядами.

– У Джен это не основной номер, – с нажимом сказала Эвелина. – Уймись.

– На что она вообще годится? – фыркнул акробат. – Если от такой малости раскисает?

Дженни резко развернулась – так, что манежные опилки брызнули из-под ног, – и пошла за кулисы.

Хотелось бежать, опрометью, что есть сил.

«Из приюта!»

Но она шла с прямой спиной.

– Сгоняй за жратвой, – уже возле выхода ее нагнал голос Эдварда. – Хоть какой-то толк от тебя.

Дженни ничего не ответила. Она вошла в темноту закулисья, как нырнула в прорубь. Ей не хотелось плакать. Ей хотелось что-нибудь сломать.

«Из приюта!»

И ведь он знает!

Мама и папа погибли, когда Дженни не было и полугода. Во время гастролей в Южной Англии. Огромный рефрижератор вынесло на встречную полосу, и от фургона семьи Далфин осталась только искореженная груда металла.

Водитель фуры повредился в уме – бормотал на суде о каких-то чертях, вселившихся в машину. Его закатали на всю жизнь в психушку, но маму и папу не вернешь. А Дженни просто повезло. В тот раз фокусник Марко почему-то взял ее в свой фургон. Как будто он предчувствовал, что так случится.

Но это была обычная подлость жизни, которые случаются повсеместно – без предупреждения и без цели. Словно кто-то в небесах опрокинул ведро с гайками и они рухнули на землю, пробивая затылки кому придется.

Просто так.

Но Эд... Теперь эта гибкая сволочь отпускает шуточки про приют?!

Девочка пнула сложенные пирамидой жонглерские булавы, и по коридору прокатился слитный деревянный грохот. Не надевая куртки, как была, в тонком серебристом трико из тех, какие переливаются в свете прожекторов, – Эд настоял на сценическом костюме, – она вышла на улицу. Да пропади всё пропадом – и премьера, и выручка за этот сезон, и все эти тупые фермерские рожи, которые придут на представление!

Было пасмурно. С хмурого неба сеялся частый дождик. В воздухе висела тонкая пелена тумана, она чуть размывала очертания огромного многоцветного шатра, который раскинулся на большом поле Джимми Бэнкса по прозвищу Два Пенса (аренда сто фунтов в день, вода и свет за свой счет и чтобы не гадили и за зверьем своим следили!) возле городка Чайдок.

Зритель обычно видит цирк с его парадной стороны: сверкающие неоновыми огнями распахнутые двери, будку кассира с цветастыми афишами, шумные аттракционы, яркие автоматы с попкорном и кока-колой, тир с надувными игрушками и шары, множество шаров, и флажки, и лотки с хот-догами и сахарной ватой. Он слышит музыку и видит праздник – никогда не кончающийся праздник жизни. И никогда, слышите, никогда зритель не заглядывает за широкую пеструю спину шатра – туда, где лепятся жилые вагончики артистов и униформистов, где замерли фургоны и трейлеры для перевозки реквизита и пожитков, а в клетках от решетки к решетке бродят звери. Никогда обычный зритель не поднимет занавеса над скрытой жизнью цирка. Любовь и ненависть, ревность и зависть, восхищение и презрение – всё цирковые оставляют себе, а вам – только зрелище, только представление, улыбки клоунов и трюки акробатов.

Тринадцать лет она живет за кулисами передвижного цирка шапито «Магус». Это ее мир. Близнецы Эвелина и Эдвард учили ее акробатике с тех пор, как она научилась ходить. Ближе них для Дженни был лишь Марко, который заменил ей маму с папой.

Ярость и злость схлынули, как вода во время отлива, и на влажном песке остались горькое недоумение и обида.

«Из приюта привез». Если бы так сказал дрессировщик Роджер, Дженни и внимания бы не обратила. Что взять с этого хама? Но как повернулся язык у Эдварда?! «Перенервничал, – подумала девочка. – Август. Сезон заканчивается. Выручки за лето – кот наплакал. Что мы вообще делаем в этом городишке?»

Если уж и ехать в эту часть Англии – в Восточный Суррей, – то на авиашоу в Редхилл. Вот где народу полно. А лучше вообще махнуть в графство Суссекс, в Кравли например. А еще лучше не тратить время на провинцию и ехать прямо в Лондон.

Джен вздохнула – в Лондон цирк не заезжал уже года три, а ей так хотелось там побывать. Погулять по Оксфорд-стрит, заглянуть в бутики на Кингс-Роуд (денег нет, так хоть поглядеть)

или побродить по блошиному рынку Портобелло. Вместо этого – бесконечные переезды по маленьким городкам, где на представление собирается меньше зрителей, чем у них артистов в труппе.

Узкий проход между жилыми вагончиками, истоптанная земля. Мелькнула за пестрыми занавесками их бухгалтер и кассир мисс Доббс, она не отрывалась от телевизора, который приветливо поманил Дженни своим светом. Затем вагончик Людвиг Ланге, весь расписанный волками, монстрами и девицами в крылатых шлемах и с мечами. На лицах всех персонажей, включая волков, застыло одинаково зверское выражение, и ночью мимо этого вагончика хотелось пробежать быстрее. Возможно, потому, что Людвиг использовал фосфоресцирующие краски.

Ланге был силовым акробатом, работал с тяжестями, любил слушать готический металл и совсем не умел рисовать. Обычно его вагончик отгоняли на край стоянки – никто из цирковых не разделял его пристрастия к хриплым воплям под удары отбойных молотков и гитарные запилы, хотя немец искренне считал это музыкой. Единственным невольным ценителем Людвиговой музыки был его помощник Джеймс – паренек лет пятнадцати, страстно мечтавший стать цирковым силачом. По мнению Дженни, для этой цели Джеймс жертвовал слишком многим. Кому нужен глухой атлет, страдающий эпилепсией? А до такого состояния ему уже немного оставалось – циркачи делали ставки, сколько продержится очередной ученик Людвиг. Обычно больше полугода протянуть никто не мог, но Джеймс явно шел на рекорд – недавно начался второй год его ученичества.

Предыдущего ученика Ланге звали Ангус. Да, Ангус Маккормик. Хипповатый парень лет пятнадцати. Выше Дженни на полторы головы, худой и рыжий, грязные волосы торчат во все стороны. Не человек, а репейник в огне. Он прибил к «Магусу» в Эдинбурге, пытался стащить пакет попкорна с лотка во время представления. Людвиг, добрая душа, взял его к себе. Где его родители и есть ли вообще у него семья, Ангус так и не сказал. Зато он рассказывал множество историй – про то, как ловил сельдь на рыболовецкой шхуне на Шетландских островах или как был учеником волынщика в сельском оркестре. Впрочем, даже стальные нервы, какие надо иметь, чтобы учиться играть на шотландской волынке, его не спасли. На четвертые сутки после того, как Людвиг раздобыл новый альбом своей любимой группы «Цельнометаллический идол», Ангуса увезли в больницу с нервным срывом.

...Однако сейчас в вагончике силача было на удивление тихо.

«Ланге уехал или спит, – решила девочка. – Или Джеймс его придушил-таки». Впрочем, это вряд ли. Здоровья в Людвиге на семерых. Силач гнул пальцами толстые гвозди, рвал металлические цепи, ломал наручники, одной оплеухой валил наземь медведей Роджера. А уж сколько было разорвано на арене резиновых грелок и телефонных справочников, Дженни и не считала. Эдвард как-то составил шкалу, где за единицу измерения был принят «Ланге». Единица – это недостижимый абсолют. Чемпионы мира по боксу и знаменитые рестлеры топтались в самом низу, едва дотягивая до четверти «Ланге». Единственный человек, получивший «пол-Ланге», был старик Шварценеггер, да и то это был скорее знак уважения его актерских заслуг.

...Чужой джип Дженни заметила случайно, он стоял на проселочной дороге на краю поля, скрыт в наступающей зимней тени. Дженни бы не увидела его, если бы не огонек сигнализации под стеклом.

«Местные?»

Дженни напряглась. Иногда у деревенской молодежи шарики в голове перемикает и они лезут к циркачам в поисках приключений. Как в прошлом году в Суффолке.

Ближе всего к краю дороги был вагончик дрессировщика Роджера Брэдли – рядом с клетками со зверями. Если местные решили поиграть с медведями Брэдли, он здорово экономит на корме. Правда, потом его посадят, но это даже хорошо. А вот если весь цирк закроют, то будет плохо.

Дженни осторожно обошла клетки. От них шел густой звериный запах, две черные глыбы неподвижно лежали на полу клетки. Похоже, к медведям никто не совался. В окне вагончика горел свет, жалюзи опущены, внутри два силуэта. Дженни и сама не заметила, как свернула с дорожки и подобралась ближе. Ноги как-то сами свернули.

«Я просто гуляю. Иду с тренировки. Иду... проведать медведей. Могу же я их проведать?»

Она стремительно перебежала лужайку и приникла к окну вагончика.

– ...не договаривались! – заявил Брэдли, его низкий голос Дженни ни с чьим не перепутала бы.

– Все меняется, Родж. Меня прижали на таможне. Пришлось откупаться, – лениво растягивая гласные, сказал незнакомец. – Так что цена выросла.

«Странный у него выговор, – подумала Дженни. – Непривычный. Иностранец? Таможня?»

– Отвел бы им глаза.

– Это у вас в Магусе этим балуются, а я человек простой, из симплов, как говорится. У нас все проще, деньгами решается.

Брэдли пробормотал что-то невразумительное, но очевидно недружелюбное.

– Сейчас цена еще подрастет, – пригрозил продавец, – покупай, или я поехал.

Роджер Брэдли молчал. Сквозь щель в закрытых шторах Дженни видела, как его широкая тень шатается по стене. Дрессировщик был в явном раздражении. Однако заговорил он вкрадчиво, почти нежно.

– Сэмми... Я же не отказываюсь. Но ты пойми – дорого. Скинь хотя бы процентов двадцать.

– А ленточкой не обвязать? Цена окончательная. Если зверюги нужны, плати.

«Брэдли покупает контрабандных зверей? Вот это номер!»

Она прилипла носом к стеклу, сгорая от любопытства и желая узнать все, немедленно и в подробностях. У края окна штора немного отошла в сторону, и она увидела продавца.

Высокий и костлявый. Прислонился к стене, курил и стряхивал пепел прямо на пол. Немытые длинные волосы темными прядями висели вдоль унылого узкого лица. В тонких пальцах дымилась сигарета. Напротив нервно расхаживал Роджер Брэдли – крепко сбитый коренастый ирландец. Он походил на тигра в клетке, которого душил тугой ошейник. Незримый поводок от этого ошейника подрагивал в желтых прокуренных пальцах Сэма.

– Ладно, десять процентов, – сдался дрессировщик.

– Пять, не больше, – слегка улыбнулся Сэм. – В знак давней дружбы.

– Дружбы, ага... – Брэдли потер небритый подбородок. Тяжело поглядел на Сэма. – Значит, шесть тысяч? Тысячу за мадагаскарского льва и пять – за химеру?

«Шесть тысяч фунтов! – ахнула Дженни. – Вот деньжищи! Откуда? Цирк на мели! Он же сам говорил, что еды медведям на неделю хватит!»

– Семь, – уточнил Сэм, небрежно поводя сигаретой в воздухе. – Лев стоит две. Без него ты с химерой не сладишь.

Брэдли с ожесточением почесал рыжую щетину.

– Идет!

– Когда заберешь? – Продавец отлип от стены, загасил сигарету.

– Лучше ночью. И на этот раз машину поставь подальше, подъезжай к дальнему краю поля, – сказал Роджер. – Там лишних глаз не будет.

Пол закрипел. Дженни нырнула под вагончик – больше спрятаться было негде.

«А здесь уютно», – отметила она. Сухая трава шелестела, пахло сеном и пивом. Дженни огляделась: под приставной лестничкой обнаружилась целая батарея пивных банок. Брэдли предпочитал темные крепкие сорта.

«Надо навестить этого алкоголика ночью, – решила девочка. – А лучше сообщить в полицию и стукнуть в Гринпис».

«Интересно, а что такое мадагаскарский лев? Мадагаскар – это же остров? Разве там водятся львы? И что за странный зверь – химера? Ящерица?»

У переднего колеса что-то зашуршало. Дженни повернулась.

Она увидела нечто загадочное. Ей показалось, что за ее спиной только что прошел кто-то неизвестный, и он был очень, очень странно одет.

Черная куртка и черная широкополая шляпа. Как гном из сказки, честное слово.

Дженни осторожно проползла вперед, заглянула за колесо.

Пусто.

«Уже гномы мерещатся».

Ступени закрипели, и девочка услышала над головой тяжелые шаги дрессировщика. Она осторожно вылезла с другой стороны вагончика, отряхнулась, и тут из-за угла вынырнул Калев. Как по заказу. Помощник Роджера. Почетный выноситель медвежьего помета и профессиональный подметальщик вольеров. Надежда цирка «Магус», короче. Это было почти так же плохо, как столкнуться с Брэдли. Но если дрессировщик полагался в общении на ошеломляющую грубость, то Калев был противным прилипчивым мальчишкой, склонным к полноте и подлостям.

– Далфин? – сверкнул Калев маленькими серыми глазками. – Тебе чего здесь надо?

– Домой иду, – соврала Дженни и попыталась проскочить мимо.

– Да ты что! – он заступил ей дорогу. – Твой фургон совсем в другой стороне.

Дженни смерила Калеба уничижительным взглядом: полненький, белесый, ниже ее почти на голову. Чудовищные мешковатые джинсы на два размера больше, убогая толстовка с Микки-Маусом...

«Кто вообще носит Микки-Мауса в его возрасте?! – подумала она. – Может, он так зверей отпугивает?»

– Не страшно тебе, Калев, в клетку к медведям заходить?

Вопрос сбил мальчика с толку.

– Со зверем надо быть настороже, – помолчав, важно сказал он, явно повторяя за Роджером. – Они уважают только силу.

– Ну, этого у тебя хоть отбавляй! – закивала Дженни. – Но все-таки будь осторожней, когда к ним заглядываешь. Ты такой упитанный...

– Ах ты! – задохнулся от гнева Калев, а девочка, пользуясь моментом, припустила прочь. – Я тебя уничтожу, Далфин!

Но Дженни была уже далеко.

* * *

– Ну ничего себе, – выдохнула она, захлопнув дверь вагончика, и осеклась.

На плите дымилась кастрюля, в душевой была приоткрыта дверь, и оттуда доносился плеск воды. Дед же собирался только вечером приехать! Принесло старого.

– Быстро ты...

Фокусник Марко Франчелли вышел, вытирая руки. Старый потертый фартук небрежно наброшен на клетчатую рубашку.

– Ты как-то не рада. Есть будешь?

Дженни принялась.

– Опять спагетти?

– А ты чего ждала?

– Ну, я не против устриц, например... – Дженни потянулась было к столу, но, поймав острый взгляд деда, поскакала мыть руки. Спорить с Марко из-за таких пустяков... нет уж, лучше просто вымыть руки.

«Рассказать ему о Брэдли? – размышляла Дженни. – Не, лучше я сама этого контрабандиста прижучу. Деду не понравится, что я подслушивала. Хотя... ради благого дела можно же?»

– Что нового?

– Я сделала сальто назад с выходом на одну ногу! – отрапортовала Дженни.

– Неужели? – поразился Марко. – С какого раза?

– Ну, – девочка замялась, – я не считала. На третий час стало получаться.

– Прогресс...

Никогда нельзя было точно сказать, шутит Марко или серьезен. Вот и сейчас – он аккуратно ел, поглядывая карими с прозеленью глазами, а что в этих глазах, поди разбери. У Дженни угадать никогда не получалось.

Тем более что сейчас в голове у нее роились коварные планы касательно Роджера Брэдли. Вот она прокрадывается ночью и маникюрными ножницами вскрывает замки на всех клетках... Вооружившись видеокамерой и микрофоном, застигает Брэдли на месте преступного обмена... Угоняет джип продавца и привозит редких зверей прямо в офис местных зеленых.

– Ты сегодня молчалива, – заметил дед.

Дженни со свистом втянула спагеттину.

– Утром я говорил с миссис Томпсон из отдела семейного образования. Ты помнишь, что скоро сдавать тест на успеваемость?

Девочка не донесла вилку до рта.

– Опять?! Я же уже сдавала! Сколько этих тестов вообще?!

– Сдавала два года назад, – заметил Марко. – В одиннадцать лет. Вообще-то работы надо писать каждый семестр. Нам пошли навстречу, потому что я рассказал трагическую историю о том, как наш автобус на гастролях в Малайзии сорвался в пропасть. Помнишь, как это было ужасно?

– Мы же не были в Малайзии.

– Да, и это самое ужасное в этой истории. Всегда хотел повидать Куала-Лумпур.

Он встал и пошарил на полке. Выложил на стол книгу.

Дженни присмотрелась.

– Шекспир?! Seriously?!

– Мне, бедняку, все царство – книги.

– Это что?

– Это «Буря», детка. Тебе надо ее одолеть. И знай, что от теста тебя спасет только восстание машин или зомби-апокалипсис.

– Это отвратительная новость, – с чувством сказала Дженни. – Я в тот раз почти весь день перед компьютером просидела. Дед, это пытка. Лучше весь вечер без страховки на высоте отработать.

Она потянулась было к книге, но, поймав острый взгляд деда, открыла ее чистой зубочисткой, а не грязными руками.

*Пуškai на ваши головы падет
Зловредная роса, что мать сбирала
Пером совиным с гибельных болот!
Пусть ветер юго-западный покроет
Вам тело волдырями!¹*

Внучка посмотрела на Марко с сомнением.

– Дед, а ты уверен, что мне можно это читать? Я же ребенок.

– Так скромный путь приводит к славной цели. Нужно, Джен.

Девочка вздохнула и закрыла книгу.

– Не переживай, впереди три месяца. Еще месяц покатаемся. С сентября засядешь за учебники, сдашь в декабре, а на Рождество поедem в Лондон.

– Правда? – Дженни аж подпрыгнула. – Серьезно?!

– Да.

– Ура! – Девочка выскочила из-за стола и решила уже пройтись колесом...

– Никакой акробатики дома! – молниеносно отреагировал фокусник. – Дуй к Эдварду, там и прыгай.

Дженни скорчила гримасу в стиле «сколько занудства может помещаться в одном взрослом» и встала на руки, опираясь ногами о стену.

– У тебя макароны обратно не пойдут? – озабоченно спросил Марко.

Дженни покачала головой, оторвала левую руку от пола и показала лайк – мол, всё путем.

– Эд меня выгнал, – сообщила она. Теперь весь ее вес опирался на правую ладонь. – Сказал, что меня взяли из приюта.

– Эдвард так сказал? – переспросил Марко.

– Ага! Сказал, что я неженка и что у мамы такой дочери быть не могло! Представляешь?!

– И?

– А я была голодная. Плюнула на него и пошла домой есть. Вот пришла.

– Что дальше?

– В смысле? – Дженни встала на ноги. Смахнула с лица короткие светлые волосы. Потом подумала, взялась за расческу и быстро расчесалась.

– Так что ты будешь делать с Эдвардом? Оставишь все как есть? Скажешь ему, что думаешь? Будешь мстить?

Девочка просияла:

– А можно? Вот спасибо, дед!

– Ты куда в трико? Ну-ка живо переоденься!

Дженни закатила глаза, накинула осеннее пальто. Хлопнула дверь, и через мгновение девочка уже мчалась в лабиринте цирковых вагончиков.

¹ У. Шекспир. Буря. Перевод с англ. М. Донского.

Марко закрыл жалюзи и слегка улыбнулся. Погладил перстень на левой руке. В толстом ободке белого золота блестел синеватый прозрачный сапфир. Довольно старомодное украшение. Впрочем, и Франчелли не молод.

Марко Франчелли был среднего роста, подтянут и строен, несмотря на возраст. Волосы у него длинные, почти до плеч, каштановые, вьющиеся, с изрядной проседью. Холодные каре-зеленые глаза. Острый умный взгляд. Скупые, точные движения – движения фехтовальщика, а не фокусника. Положа руку на сердце, Марко Франчелли не слишком походил на человека, который взял бы младенца на воспитание. Без весомых на то причин.

– Значит, пора представить ее Магусу? – он говорил сам с собой, словно у него был невидимый собеседник. – А может, не стоит? Она еще совсем девочка...

Фокусник сложил грязные тарелки в посудомоечную машину и прошел в свою жилую зону. Их вагончик был устроен очень просто: посередине, напротив входа, располагалась кухня с обеденным столом, плитой и прочей техникой. Налево – территория Дженни: кровать, встроенные шкафчики с одеждой и обувью, откидной столик, за которым, как предполагалось, Джен должна была прилежно выполнять тестовые задания и контрольные, пара книжных полок и ящики для всякой всячины под кроватью. Все аккуратно и на своих местах. Во всяком случае, именно так эта часть вагончика выглядела на рекламном проспекте, когда Марко его покупал десять лет назад. На деле же всякая всячина пополам с одеждой и журналами мод вперемешку с «Цирковым вестником» ровным слоем усеивала логово Дженни Далфин. Отдельные отважные вещи порой заглядывали на кухню, но изгонялись оттуда суровой рукой Марко Франчелли.

Потому что после кухни, где царила чистота, начиналась уже территория Марко. Скудная пустыня порядка и прямых углов. Небольшой откидной диванчик, кресло, в котором он обыкновенно сидел с книгой... а все остальное место, собственно, и занимали книги. Энциклопедии, словари, иллюстрированные пособия и старинные фолианты с жизнеописаниями великих фокусников прошлого. Стеллажи, стеллажи – вдоль каждого свободного сантиметра стен. Там, где нельзя было привинтить к стене стеллаж, Марко вешал полку. Там, где для полки не хватало места, фокусник прикручивал шуруп и усаживал на него рамку с какой-нибудь пожелтевшей от старости страницей на тарабарском языке. Венцом его инженерной мысли была книжная полка, которую он привинтил к потолку. «Завел бы себе ридер, – вздыхала обыкновенно Дженни, заглядывая в этот передвижной филиал Лондонской публичной библиотеки. – А весь этот хлам – в переработку».

Впрочем, среди полок была парочка интересных и для Дженни. Они были закрыты на ключ, а внутри плечом к плечу стояли тома в темных переплетах. Она не слишком любила читать – если это не касалось цирка, но ее интриговал сам факт. С чего бы деду прятать от нее какие-то книги? Что в них особенного? Что вообще особенного может быть в книгах? Зачем они нужны, когда есть интернет?

Свои размышления Дженни держала при себе – Марко ее взглядов на книги и их роль в жизни человека совсем не разделял. К своим томам, томикам, книжкам и брошюрам он относился очень бережно. Пыль сдувал. Буквально. Для Марко Франчелли было преступлением даже загнуть уголок страницы – как Дженни влетало за такие вещи! Поэтому она интересовалась, конечно, что же за книги таятся на закрытых полках, но умеренно. Без фанатизма.

* * *

– Ей уже пора.

Марко повертел в руках расческу Дженни, отложил в сторону. Подошел к окну, потер перстень.

– А все-таки... Она славный ребенок. Все детство кончится, как только я представлю ее Магусу.

В его длинных пальцах блеснул золотой волос.

– Я был острым лезвием меча. Я был каплей в воздухе. Я был сияющей звездой. Я был словом в книге. Я был книгой в начале. Я был светом лампы... Таков я.

Фокусник разжал пальцы, и волос рассыпался золотой пылью.

– Прости, Джен. Иначе ты не выживешь.

– Людвиг! – Дженни забарабанила в дверь.

Пожалуйста, пусть он окажется дома! А то ее изощренный план мести подлецу Эдварду Ларкину, который она только что гениально придумала, грозил так же гениально рассыпаться. У кого еще всегда есть парочка сосисок и горчица, как не у Людвиг?

– Людвиг, ну где ты там?!

Она прошла вдоль вагончика и постучала в окно.

– Хватит буяннить, – выглянул взъерошенный юноша. – Он в городе. Вернется вечером. Тебе чего?

Ах, Джеймс Бакер, последний по счету ученик Людвиг Ланге. Зеленые глаза, светлые вьющиеся волосы, атлетическое тело, силовая гимнастика – местные девушки обычно ему проходу не давали. Он был забавным, веселым и никогда не подводил Дженни. Она надеялась, что и сейчас не подведет.

– Одолжи пару хот-догов, Джеймс!

– Совсем оголодала на макаронах? – хмыкнул парень.

– Надо. Очень! – со значением сказала Дженни. – Я вечером принесу какой-нибудь жратвы.

– Людвиг вашей вермишелью давится. – Джеймс почесал веснушчатый нос. – Настоящий мужчина должен питаться мясом!

– Ага, и добывать его из хобота мамонта. Слушай, я принесу в два раза больше! Клянусь этими твоими... рогами диплодока!

– У диплодоков нет рогов, – поправил Джеймс, который был малость повернут на доисторической живности. – Смотри не подведи. А то Людвиг приедет, а в холодильнике пусто. А ты знаешь, как он злится, когда голоден.

– Нет, он добрый.

– Это он к тебе добрый, – фыркнул Джеймс, пошарил и вытащил ложку, завязанную узлом. – Видала? Это когда я картошку фри спалил. А это, – он показал вилку, зубцы которой были аккуратно скручены так, что завивались в подобие цветочного бутона, – когда у нас микроволновка сломалась. А это... – он вытащил половник, наполовину разорванный ВДОЛЬ.

– Ладно, ладно, я поняла, он страшный и ужасный! – замахала руками Дженни. – Хот-доги сделай, а?

Парень скрылся в вагончике.

– Кетчуп добавлять?

– Сделай один обычный, а второй с горчицей, чесноком, хреном, и перца, перца побольше! – потребовала Дженни.

– Ты уверена?! – переспросил с сомнением Джеймс. – У Людвиг просто ядерная горчица.

– Фирменное блюдо Далфинов подается на серебряном подносе, с холодным сердцем, полным мести, – ехидно улыбнулась девочка, – и непременно с горчицей.

Некоторое время Джеймс возился внутри, хлопая дверцами. Потом запищала микроволновка.

– Спасибо за ваш заказ, – мрачно сказал он, протягивая горячий пакет из окна. – С горчицей наверху.

– Ах, милорд Джеймс! – Дженни послала ему воздушный поцелуй, прямо к зеленым глазам.

– Мала ты еще, – фыркнул юноша. – Ты лучше четыре хот-дога принеси! – прокричал он ей вслед, но, кажется, Дженни уже не слышала.

* * *

– Ну что, заждались? – девочка ворвалась в шатер.

На нее никто не обратил внимания. Эдвард и Эвелина ожесточенно спорили с Брэдли.

– Вы уже свое время отпрыгали, – гремел дрессировщик.

– Роджер, у нас еще час, – спокойно отвечал Эдвард, но Дженни поняла, что он едва сдерживается. – Ты начинаешь работу только в два.

– Плевать, – отрезал Брэдли. – У меня медведи. Не уберетесь сами, они вас по кусочкам вынесут.

Он развернулся. На беду Дженни, они пересеклись у барьера манежа.

– А тебе чего?!

– Добрый день, мистер Брэдли... – девочка попятилась.

Глаза у него были красные, воспаленные и злые.

– Кaleb сказал, что ты шлялась возле зверинца. Еще раз увижу – собак спущу. Ясно?

– Яснее некуда, – спокойно ответила Дженни, а сердце в груди бухало, как барабан.

Ирландец обдал ее дурным запахом изо рта и нагло вытащил из пакета хот-дог. Тот самый, густо залитый адской смесью по «фамильному рецепту Далфинов».

– Мистер Бр...

– Увянь, Далфин, – довольно улыбнулся Брэдли и разом откусил половину сосиски.

Нервы у Дженни сдали, она на миг зажмурилась.

– Роджер? – обеспокоилась Эвелина.

Дженни открыла глаза. Дрессировщик побагровел, отшвырнул хот-дог и с мычанием выбежал из шатра.

– Дженни, золотце, что ты сделала? – восхитилась Эвелина.

– Это был подарочек для Эдварда, – вздохнула Дженни. – Роджер сам виноват.

– Да, но его это едва ли утешит, – отметил Эдвард. – Роджер не из тех людей, кто признает свои ошибки, если может свалить их на другого.

Он задумчиво поковырял остатки хот-дога и негигиенично облизал худой палец.

– Чеснок, горчица Людвиг, хрен и два вида перца? Капсаицин² зашкаливает. Добрая девочка. Не бойся, мы тебя спасем.

– Хотелось бы... – Дженни села на манежный барьер. – У меня большие планы на будущее. Хотите хот-дог? Этот можно есть.

– Позже... – Эдвард торопливо развинчивал помост. – Что-то мне подсказывает, что Брэдли очень скоро вернется.

Втроем они быстро разобрали металлическую конструкцию и едва успели занести за кулисы, как у служебного выхода послышался шум.

– А вот и наш дикий друг дикой природы, – заметил Эдвард.

Эдвард и Эвелина поспешили к парадному входу. Дженни замешкалась. С минуты на минуту в узком проходе к манежу должен был показаться Брэдли, и она подняла боковую стенку картонной коробки «волшебного шкафа» и спряталась там. Фокус с этим аттракционом

² Капсаицин – вещество, содержащееся в остром перце и отвечающее за его жгучий вкус и раздражающее действие. В умеренных количествах блюда, одобренные острым перцем, повышают иммунитет, облегчают состояние при простудных заболеваниях. Чистый капсаицин способен при попадании на кожу вызвать сильный ожог, а попав на слизистую оболочку – боль, жжение, слезоточивость, спазм гортани... Собственно, поэтому на его основе делают перцовые баллончики.

они отрабатывали с Марко в прошлом году, и девочка прекрасно помнила, как устроены его разборные стенки.

Сквозь узкую щель просматривался коридор. Что-то грузное, тяжелое заслонило свет и потянулось к ящику с жарким дыханием и присвистом. Плотный звериный дух потек сквозь щель. Дженни увидела маленькие, налитые злобой глаза, широкую морду, поросшую бурой жесткой шерстью, приоткрытую пасть с тупыми желтыми клыками. «Барри, – одними губами прошептала она и вжалась в стенку. – Хороший мишка».

Только сейчас она поняла, что пакет со вторым хот-догом у нее и медведя привлек этот запах.

– Барри, не стой на месте! – рявкнул Брэдли.

Медведь заворчал, царапнул когтями дощатый пол и, звеня цепью, неохотно двинулся прочь. Только когда дрессировщик скрылся на манеже, девочка выдохнула. Она вся взмокла, с ладоней капал кетчуп.

«Всё, домой, домой!» – Джен осторожно потянулась к ближайшей стенке, чтобы выбраться из ящика, но отчего-то не смогла ее нащупать. Она присела, повела руками вокруг. Ничего. Полоска света, пробивавшаяся из коридора, исчезла. Ее окружала крошечная темнота.

«Что за ерунда?»

Дженни прекрасно знала, что такое «волшебный шкаф». Картонная коробка, выкрашенная черной краской, метр на метр в сечении и высотой метра полтора. Она просто не могла не достать до стенок!

Девочка встала. Сейчас она должна стукнуться головой.

Подняла руки вверх.

Потянулась.

Подпрыгнула.

Крышки не было!

Дженни не боялась темноты, не боялась самых сложных и тяжелых трюков, но сейчас происходило что-то странное. Очень странное. Ей стало страшно. Вслед за светом пропали и звуки – не было слышно ни ворчания медведя, ни отрывистых реплик Роджера. Глухая, непроглядная тишина. Тьма подступала к самому сердцу.

Тьма пахла кетчупом и страхом.

«Спокойно. Сейчас я сделаю шаг и уткнусь в стенку. – Дженни глубоко вдохнула. – Такого просто не может быть. Я сидела в этом ящике раз сто».

Она вытянула руки и шагнула, ожидая, что пальцы вот-вот коснутся картона.

Потом еще и еще шаг.

Но стенок не было. Вокруг ничего не было.

Глава вторая

– Ты вообще головой когда-нибудь думаешь? – Эвелина довольно чувствительно пихнула брата острым локтем под ребра. – Что ты несешь? Какой приют? Какие эльфы из колыбели ее украли?

– А что, такие случаи бывали, – заметил Эдвард. – Ты сама знаешь! Ты что, локти затачиваешь? Больно же!

– Шут гороховый, – припечатала сестра и отвернулась.

В злой тишине они дошли до своего фургончика. В подобных коробках на колесах ютились все артисты и технический персонал цирка, но никто на скудные бытовые условия не жаловался. Случайные люди в «Магусе» не задерживались, а тех, кто оставался, кочевая жизнь затягивала с головой.

Эдвард родился в цирке шапито, и обыкновенная жизнь, которую ведет большинство людей, казалась ему ненормальной. Как это – каждый день просыпаться и видеть один и тот же пейзаж за окном, одной и той же дорогой ходить в одну и ту же школу, на работу, в банк, магазин? День за днем, до самой могилы, только изредка выбираясь на курорты или в соседние городки, где вращается такое же скрипучее медлительное колесо жизни. Не прельщали его и мегаполисы – то же самое колесо, только размером больше, и вместо пары сотен белок внутри – пара миллионов хомяков.

Разве можно жить, не видя, как асфальтовая лента ложится под колеса фургона, а расцветное солнце закрашивает небосвод? Возможно ли счастье, если перед тобой не сменяются пейзажи, города, лица? А выступления? Шепот, смешки, кашель и приглушенные разговоры зрительного зала, затихающие при звуке барабанов... И они с сестрой возносятся ввысь, под темный купол, к обжигающему свету прожекторов, как Икары, но их крылья куда крепче. А внизу – бездна, в которой волнуется и колыхается в едином порыве масса бледных лиц, замороженных чудом свободного полета. Зрители скованы священным ужасом, а акробат идет себе по проволоке, как по краю ножа, – в миллиметре от смерти, бросая вызов всем законам природы, и страховкой ему служат лишь тонкий трос и отточенные инстинкты вымученного тела.

– Она не станет акробатом, если ноет от усталости, – Эдвард вернулся к разговору, когда они были уже в своем вагончике. – Через плач, слезы, через «не могу». Ты сама это прекрасно знаешь. У Дженни большой потенциал, но что такое потенциал без ежедневной тяжелой работы?

Сестра молчала. Эдвард пожал плечами и, не снимая сценического костюма, завалился на кушетку.

– Эх, а хот-дог так и не попробовал, – вздохнул он, закладывая руки за голову.

Дверь душевой кабинки звонко щелкнула. Эвелина по-прежнему не желала общаться. Эдвард задремал в ожидании, когда сестра освободит душ: после четырех часов тренировки от него несло, как от собаки. Он вообще походил на зверюгу – худую и язвительную, со впалыми боками и умными злыми глазами. Эдвард не заметил, как оступился в неглубокий чуткий сон. Проснулся он, когда мокрое полотенце шлепнулось на лицо.

– Эви!

– Промахнулась, – пожал плечами Эвелина. – До вешалки не долетело.

Ага, промахнулась, как же. Видел он, как Эви вгоняет ножи в мишень. Остаток дня они промолчали. Эвелина сидела в кресле у окна, читая «Книгу гор и морей» на китайском. Уже пятый год она подбивала брата уехать в Поднебесную, на стажировку в один из китайских цирков.

«Эд, ты погляди, что они вытворяют, – восторженно тыкала она в экран телефона, где проигрывался стотысячный ролик. – Нет, ты видишь?»

«Я вижу большие успехи в жестком цигуне, – мрачно отвечал брат. – У меня нет никакого желания пять лет колоть себя копьями, лежать на гвоздях и разбивать головой бетонные плиты. Фокусы это все. Ты видела у них качественную воздушную акробатику?»

Здесь сестра сбавляла обороты и признавала, что в воздушной акробатике азиаты не преуспели. Но зато в других видах... И разговор заходил на новый круг. Эдвард понимал, что ей не дает покоя. Все они здесь, в «Магусе», ущербные. Все от рождения лишены своего призвания, и все опасности манежа – лишь жалкий заменитель. Они не могут жить своей подлинной жизнью. Жизнью людей Договора. И каждый ищет способ хоть как-то утолить сосущую тоску.

Если бы только «Магус» был обычным цирком, а они – обыкновенными циркачами!

Эдвард поднялся с кушетки и прошел на кухню.

– Чайку? Тебе какой заваривать?

– А как ты думаешь, что я буду пить?

– Разумеется, белый чай, собранный в провинции Фуцзянь на высоте не менее тысячи метров, – ухмыльнулся Эдвард. – Сорт «инь чжэнь» – «серебряная игла». Я с твоим Китаем скоро рехнусь.

Он заварил себе кофе, подождал, пока чайник остынет до восьмидесяти градусов (иначе он все испортит, этот чертов чай стоил бешеных денег), и заварил щепотку светло-зеленых листьев в глиняном чайничке.

– Прошу вас, госпожа. – Он с поклоном подал поднос с чайным набором.

Эвелина отложила книгу, наполнила пиалу на две трети и бережно поднесла к губам.

– Он проясняет зрение, наполняет силой конечности, от него начинают свободно двигаться все сто суставов, – процитировала она. – Этот чай легко справляется с сотней видов болезней, и по своему воздействию он подобен божественной сладкой росе.

– Аминь, – согласился Эдвард и шумно отхлебнул растворимый кофе.

– Варвар. – Эвелина тронула пиалу губами, поставила на столик, и тут в дверь постучали.

– Не заперто, – крикнул Эдвард.

– Вы когда Дженни видели? – не поздоровавшись, спросил Марко Франчелли. – Третий час не могу найти.

– После репетиции не видели, – близнецы переглянулись.

– Я думал, она давно дома, – удивился Эдвард. – Может, к Людвигу заглянула? Сидят с Джеймсом, телевизор смотрят.

– Нет, – Марко задержался на пороге. – Еще раз в шاپито посмотрю.

Дверь хлопнула.

– Странно, – озадачился акробат. – Где же она?

– Да зависает у кого-нибудь, – отозвалась Эвелина, зажмурилась и отпила еще один глоток.

Глава третья

«Так не бывает. Так не бывает!»

– Помогите!

Пусть ее услышат Эдвард и Эвелина, Людвиг, Джеймс, пусть ее отыщет Брэдли или даже его медведь, пусть появится хоть кто-нибудь из цирка.

Тишина и тьма.

Девочка села на пол и положила голову на руки. Происходило что-то непонятное, «ни-за-что-на-свете-не-возможное». И она не знала, что делать.

– Так не бывает, – всхлипнула она.

Тьма молчала. И Дженни почудилось, что она висит в непроглядной черноте глубочайшего космоса, куда не попадает ни капли света от всех звезд Вселенной. Как она здесь очутилась и где находится это «здесь»? Она чувствовала, что сейчас дед, Эвелина, Эдвард, цирк «Магус» и все его обитатели далеко-далеко от нее, потерявшейся в неизвестной бесконечности.

– Не бывает так! – Дженни ударила кулаком об пол. – Выпустите меня!

От удара заныли пальцы, но девочка неожиданно обрадовалась. Пол! Как же она могла забыть – ведь по-прежнему под ногами у нее картонное днище этой чертовой коробки, метр на метр в сечении, чтоб его так. Выкрашенное черной краской! Она знала каждый миллиметр этого «шкафа» – сама же красила его в прошлом году! По крайней мере, хотя бы частица дома все еще с ней.

«Хорошо!» – девочка встала.

– Я не знаю, где я, не знаю, как тут оказалась и почему. Но я найду выход, – ей казалось, что там, в темноте, ее слова слышат и слушают. – У меня нет ни меча, ни светильника, – продолжила она, уже не совсем понимая, что говорит. – Я сама себе меч и светильник, и нет тьмы, которая меня погасит. Пустите меня, или я пройду сама!

Нет ответа. Тьма обнимает ее, обертывает лицо мягким покрывалом, обволакивает, тянет вниз. Не слышно ничего, кроме дыхания Дженни и стука сердца.

Девочка шагнула вперед. Первый шаг дался легко. Второй – будто подвесили по десять килограммов на каждой ноге. А третьего не было, словно кто-то прибил ее к полу, схватил, как мышку, вклеил в смоляную тьму. Жужжи-трепыхайся – никуда тебе не деться.

Не знал этот неведомый, кто такая Дженнифер Далфин. А может, и знал, да недооценил.

– Де-ла-ем раз... – выдавила Дженни и, стиснув зубы, невероятным усилием сдвинула правую ногу. Чуть-чуть, буквально на пару миллиметров, но сдвинула!

– Де-ла-ем два. – И левая нога, преодолевая чудовищное притяжение, переступила вперед.

Она перевела дух. Что происходит, где она? Как вообще возможно потеряться в маленькой картонной коробке за кулисами цирка?! Дженни знала только одно: что-то или кто-то не пускает ее, не хочет, чтобы она прошла, и значит, идти – *надо*. И со всей решимостью Дженни рванулась вперед, вложив в этот бросок усилие всех мышц. Рванулась до звона в ушах и хоро- вода белых искр, вспыхивающих в глазах. Рванулась так, что словно выпрыгнула из собственного тела, и белые искры, кружащиеся вокруг, сложились в ослепительную радужную вспышку.

* * *

...Картонная стенка отлетела с грохотом, и Дженни рухнула прямо на грязный пол.

– Кого там черт принес? – возмутились на манеже. – Джеймс, если это Брэдли...

– Это я! – восторженно завопила Дженни, не помня себя от восторга. Она узнала этот голос – голос Людвига Ланге, узнала этот тусклый свет лампочек в коридоре, узнала еще не развеявшийся медвежий запах. Она дома! Невероятный непонятный кошмар закончился.

– Джен? – Джеймс заглянул в коридор. – Где тебя носит? Марко уже с ног сбился – пятый час тебя ищет.

– Как это? – опешила девочка. – Меня минут десять не было.

– Сейчас уже семь вечера, а тебя никто не видел с двух.

– Сколько-сколько?

Дженни в растерянности присела на остатки «волшебного шкафа», но моментально подскочила. Нехорошие чудеса вовсе не прекратились, и лишний раз прикасаться к этой коробке ей не хотелось. Чувствовала она себя не слишком хорошо – вся в пыли, в глазах до сих пор плавают белые искры.

– Семь вечера, – повторил Джеймс, разглядывая ее, как редкий вид динозавра. – Шла бы ты домой, Джен. И еще – Людвиг еды накопил, так что те хот-доги я тебе дарю. Брэдли ты классно уделала.

– Да, неплохо получилось, – пробормотала она. – Значит, семь вечера? И вы с Людвигом репетируете? Ну да, вы же всегда в шесть часов начинаете. Ладно, я тогда пойду, хорошо?

– Так иди, – с легким недоумением разрешил юноша и вздрогнул от крика, прокатившегося по коридору.

– Доннерветтер, Джеймс!

– Да блин, иду уже! – И он исчез.

Девочка осталась одна в пустом коридоре. Над головой висела в облаке слабого света тусклая лампочка. А за пределами его темнота была только гуще. Она таилась в углах, хватала за ноги длинными тенями, оборачивала покрывалом привычный реквизит, превращая лица давно знакомых вещей в гримасы ужаса – будто из них полезла пугающая, неведомая людям изнанка. У Дженни слегка закружилась голова. Голоса Людвига и Джеймса начали затихать и отдаляться, а лампочка тревожно заморгала. С каждой вспышкой коридор перевоплощался, будто вещи пользовались кратким мигом полумрака, чтобы измениться еще больше. «Ничего не кончилось!» – с ужасом поняла девочка и кинулась к выходу. Мрак позади разрастался, как пухлое черное тесто, уперся в стены и волной покатился следом.

Раньше она пробегала служебный коридор от входа в шопинг до выхода на манеж секунд за десять, но сейчас Дженни Далфин никак не могла добраться до выхода, словно каждый ее шаг удлинял коридор. Ей было жарко и зябко от ужаса, обжигающие волны холода прокатывались от поясицы к лопаткам, она летела по коридору стрелой, выпущенной из лука, а следом – Дженни знала это, хотя ни за что на свете не обернулась бы, – следом накатывал вал тьмы, выплеснувшейся из останков «волшебного шкафа». В левом глазу суматошно билась какая-то белая искорка, будто стрелка компаса, указывая точно на темный прямоугольник выхода. Больше всего Дженни пугала абсолютная необъяснимость происходящего и полнейшая тишина.

– Мамачки, – простонала она. – Да пустите же меня!

Чья-то злая и властная рука бросала ей под ноги густые тени, гасила свет, протягивала из углов черные щупальца тьмы и водила по спине ледяным пальцем ужаса. Чья-то недобрая воля заступала ей путь и путала все дороги. И эта же рука кинула ей под ноги мячик – обыкновенный жонглерский мячик в синюю и желтую полоску. Дженни поскользнулась.

– Марко! – завопила она с таким чистым отчаянием, что даже тьма, подобравшаяся сзади, готовая к хищному прыжку, на миг замешкалась.

А в следующее мгновение искорка в левом глазу Дженнифер Далфин взорвалась радужной вспышкой и затопила все вокруг.

* * *

– Дженни, ты как?

Она открыла глаза.

Бешеная радуга перед глазами померкла, сжалась до отблеска в перстне на левой руке Марко Франчелли.

– Дед, – слабо отозвалась девочка. – Привет...

Марко поддерживал ее за плечи. Взгляд у него был напряженный.

– Что случилось?

– Темнота... – всхлипнула она. – В нашем «шкафу»... Там что-то странное.

– Ты о той старой коробке?

– Я домой хочу, – пробормотала Дженни. – Уйдем отсюда.

...Дженни с ногами сидела на своей постели. Марко улегся на кушетке, читал книгу и изредка отпивал по глоточку из маленькой серебряной фляжки. Он не мучил Дженни расспросами, а девочка так устала, что даже не удивилась, а была благодарна ему за тишину и молчание.

Она сразу решила не думать о том, что случилось. Она просто не понимала, как это можно объяснить. Но в левом глазу все еще плавала едва заметная белая искорка, которая появилась после удара о стенку «волшебного шкафа». Все вещи, которых она касалась, начинали слегка светиться по краям – словно включалась некая неоновая подсветка. И это тоже нельзя было объяснить.

«И зачем я залезла в этот “шкаф”?» Дженни зевала, клевала носом, но не двигалась с места. Чтобы лечь в постель, надо встать! Умыться! Почистить зубы! Переодеться. На такие подвиги она была не способна. Неизвестно, чем бы кончилось ее великое сидение, если бы Марко не погнал ее спать.

Посреди ночи Дженни резко проснулась, будто ее подбросили чьи-то сильные руки и она одним прыжком выскочила из сна в реальность.

Было темно и тихо, как обычно и бывает ночью. Над головой, на потолке, мерцали звезды из фольги. Марко наклеил их, когда они купили этот фургончик. Да, тогда она была совсем мелкая, еще четырех не исполнилось. Но она отчетливо помнила листы цветной фольги, в которых так смешно все отражалось: звезды, отклеивающиеся по трафарету, Марко, который с шутками лепил их над кроватью. Наверное, она это запомнила, потому что Марко впервые на ее короткой памяти улыбался и шутил. А может, она просто впервые это заметила?

Из другого конца вагончика доносилось легкое похрапывание. Дженни улыбнулась. Такая мелочь ее не могла разбудить. Нет, ее разбудило таинственное предчувствие – этой ночью должно было произойти что-то очень важное, о чем она позабыла за всей этой суматохой и мистическими происшествиями.

«Брэдди! – вспомнила она. – Неужели я проспала их встречу?»

Она бесшумно вскочила с постели и быстро оделась. Затем тихо открыла окно и гибкой тенью выскользнула из вагончика, не выдав себя ни единым звуком. Ставень осторожно опустился с наружной стороны, и Дженни растворилась в ночи.

Луны в ту ночь не было, и звезды скрылись за облаками. Дженни уходила от света редких фонарей на фургонах, держалась подальше от еще не погасших окон, так что никто в ночи не мог оценить ее костюм: черные с искрой легинсы, темно-синее платье с юбкой-шортами, коротким рукавом и стоячим воротничком, перчатки до локтя и ботинки на легкой толстой подошве, которые скрадывали звук шагов. Вообще она на стиле, жаль, не видит никто. Пусть Эвелина говорит, что Дженни одевается как пугало, она просто ничего не понимает. Это бохо, а бохо – стиль жизни.

Вот и вагончик Брэдли. В окнах не горит свет, значит, Брэдли уже производит обмен. А может быть, она проспала и все уже кончилось?

Дженни по широкой дуге обошла клетки. Колючая стерня шелестела под ногами и больно уколола колени, когда она присела. Черная туша джипа с выключенными фарами прокатилась мимо и остановилась шагах в двадцати от нее, у края поля.

Дальний свет фонарей еще больше затемнял ночь, и клетки со спящими животными сливались в одно непроглядное пятно. Дженни не видела, а больше угадывала движения мужчин по звукам: вот появился Брэдли, вот они хлопнули по рукам и обменялись парой фраз, вот с легким шипением открылась задняя дверь джипа и стукнулись о землю клетки, обмотанные тканью. Шелест купюр, ровный стук мотора, ночь, тишина и две мрачные фигуры. Может быть, другая на ее месте занервничала бы, побежала прочь, набрала бы телефон полиции дрожащими пальцами, но Дженнифер не боялась. Это они должны бояться! Ей только свистнуть – полцирка сразу сбежится. Жаль, что фонаря нет, она бы посмотрела на их рожи.

«Хоть бы покурили, что ли, – злилась Дженни. – Вообще ничего не видно».

Чуть заметная искра возле левого века девочки медленно поплыла, словно подгоняемая ресницами, и встала точно на линии взгляда.

«Вот ведь странно, до сих пор эта ерунда не проходит...»

Ночь вспыхнула светло-голубым светом, словно само ее вещество подожгли изнутри тысячами светодиодных фонариков. Легкий неоновый контур очертил все вокруг – джип, вагончики, клетки. Холодной зеленью пылала трава, а вдали в небо мощно поднималось изумрудное сияние. Дженни поняла, что это лес. Она задохнулась криком, зажала рот, запрокинула голову, но лучше бы она этого не делала. Куда только делись облака?! Немыслимое число звезд обрушивало вниз яростный великолепный свет. Казалось, там, среди потоков невыносимого сияния, что-то двигалось, перетекало и тянулось к ней, что-то шептало и манило... Дженни от ужаса закрыла глаза.

«Что это?!»

Она открыла глаза... Никуда не делось! Будто она сова, кошка, летучая мышь какая-то! Ее заштормило. Дженни зажмурилась, вцепилась в стерню под ногами, уколола ладони. Легкая боль ее слегка отрезвила. «Все хорошо, все в порядке... Нет, ничего не в порядке. Что случилось?!» Она еще раз приоткрыла глаза. Осторожно, на полреснички. Огляделась. Было непривычно, страшновато, но не больно. «Совсем не похоже на темно-зеленую муть, которую в боевиках показывают, – подумала Дженни. – Там если на голове прибор ночного видения, то вид как будто сквозь немытый аквариум». Она же видела мир совсем иначе.

Внутри джипа, в моторном отсеке, вертелся клубок голубого огня. Фигуры мужчин светились мутно-желтым – одна еле мерцала, другая горела устойчивым грязно-оранжевым, две клетки – большая и маленькая – казались темно-синими, внутри них дрожали два сгустка пламени. В маленькой клетке бился чистый янтарный огонь, а в большой бросалось на стенки злое льдистое пламя.

Мужчины отнесли клетки к стационарным вольерам, где спал весь зверинец цирка шапито «Магус»: два меланхоличных медведя Барри и Ларри, три неугомонные лайки Гог, Магог и Демагог – Дженни их вечно путала – и стадо дрессированных белок, запомнить которых девочка и не пыталась.

Затем сообщники молча разошлись, не попрощавшись. Хлопнула дверь машины, джип отъехал и растворился в ночи. Роджер подождал, пока звуки мотора окончательно затихнут, присел возле маленькой клетки, постучал по дверце.

– Ну что, красавец, мы с тобой поладим? – Зверь зашипел – зло и предостерегающе. – Зараза, – дрессировщик недобро засмеялся. – Хорошо, что вы у меня не задержитесь. Отгружу вас темнику, и до свидания.

Он подкатил тележку, погрузил на нее обе клетки и повез вперед.

Дженни лежала на земле и чувствовала себя полной дурой. Чувство было ярким и новым. И что же делать дальше? «И почему я не стукнула в полицию?! Сейчас бы их уже лицом по капоту возили. Нет, решила взять с поличным! И как?» Девочка от досады потерла нос. Продавец уехал, а она не догадалась даже номер машины переписать. А теперь что делать? Выскочить на Брэдли с криком «Я все знаю»? Ага. Он только посмеется, а потом за шиворот притащит домой. А там дед... Дженни поежилась. Нет уж, этот вариант отпадает. Лучше подождать, пока Брэдли ляжет спать, и попробовать освободить зверей. То-то будет утром у него лицо:

проснется, а семь тысяч фунтов улетучились. «Точно! Так и сделаю! – решила Дженни. – Свободу всем зверям, а особенно редким!»

Отчего-то идея просто выпустить редких зверей показалась ей чрезвычайно оригинальной. В конце концов, в фильмах это работает.

Она подобралась ближе, стараясь не шуметь. Ночь была безлунная, и шансов, что Роджер увидит ее без фонаря, не было. А вот Дженни благодаря своему новому зрению без труда проследила, куда именно он отвез клетки. Дрессировщик прошел рядом, в шести шагах, но не заметил Дженни – тлеющая сигарета слепила его, сужала поле зрения до одной огненной точки, пульсирующей в такт дыханию.

«Господи, как ЭТО можно курить! Бедные звери, они этого монстра каждый день обо... обоня... тьфу, обнюхивают».

Роджер докурил, раздавил окурок. Постучал ногой по клетке, потом поставил ее на вторую клетку.

– Так-то оно надежнее, – сказал он. – Вам, ребята, лучше быть вместе, да?

Он ушел. Когда его шаги стихли, Дженни выждала еще немного – для надежности, чтобы Брэдли улегся в постель и задремал, и только потом проскользнула к вольерам. «Нет подготовки – нет трюка», – приговаривал Марко, так что девочка решила сначала посмотреть, что за зверей «приконтрабандил» Роджер, а уж потом принимать решение.

Дженни прошла между двух рядов клеток. Сердце колотилось. И медведи, и собаки, и белки, и прочая живность Брэдли мирно спали, но все равно от когтей, зубов и клыков ее отделяли лишь решетки. А главное, если кто-то из животных ее почует, то может занервничать. А тогда начнется шум, гам и неизбежный позор, если она вовремя не удерет. Она поравнялась с медведями, в нос ударил запах мочи, пыльной шерсти и протухшей рыбы. В глубине вольера грузно заворочался багрово-бурый огонь – так для Дженни сейчас выглядел Барри.

– Тсс, – прошептала девочка, мягко перекатываясь с носка на пятку. – Тихо, тихо. Хороший мишка.

Барри послушался: опустил голову и затих. Дженни выдохнула и двинулась дальше к вольеру с лайками. Псины спали, разбросавшись по всей клетке, дергая лапами и потягивая.

«Наверное, ловят полярных куропаток или гонят северного оленя, – пожалела их Дженни. – А проснутся – вокруг тесная клетка, где не развернуться».

Клетки, звери, фургончики – все это было ей знакомо, но сейчас Дженни изрядно нервничала, ведь она ворует чужих зверей! «Они не чужие, а контрабандные. Так что я восстанавливаю справедливость».

Жить легче, когда себя успокаиваешь.

Дженни склонилась над пластиковой клетушкой, в таких обычно перевозят кошек или небольших собак. Внутри затаился клубок янтарного огня.

«Что же, я и сквозь стены видеть могу?» Дженни уже было приспособилась, но тут ей опять подурнело. Все-таки что-то нехорошее с ней произошло в «волшебном шкафу».

Дженнифер глубоко вздохнула. Нет, ну глупо же отступить, когда все получилось. «Я подумаю об этом завтра, – решила она. – Обо всех страшных ужасах, тающихся в моих глазах, и прочем. А сейчас...»

– Наверное, ты химера, – прошептала Дженни, вынимая карманный фонарик (он же лазерная указка, он же авторучка, в общем, незаменимая вещь). Девочка подняла с клетки покрывало, помедлила... и включила фонарик, направив его луч сначала в сторону, чтобы не испугать животное. Удивительно, но зрение тут же вернулось в норму, словно в голове щелкнул переключатель.

«Вот как...»

Она провела острым лучом по клетке, но прорези в дверце и стенках были такими тонкими, что пропускали только воздух, но никак не любопытный взгляд Дженни Далфин. Таинственный зверь завертелся юлой, царапая коготками пластиковый пол.

Дженни покусала губы.

– Как же на тебя посмотреть?

На клетке висел довольно большой замок, но сами петли были из плотного пластика. Было ясно, что замок повесили, чтобы зверь не выбрался, а не в качестве защиты от грабителей.

– Ай, ладно!

Девочка махнула рукой и вынула кусачки, которые позаимствовала на полке с инструментами Марко. После недолгой борьбы петли сдались, она бросила кусачки на траву, приоткрыла дверцу и посветила в проем фонариком.

...Когда Дженни принимала решение, то тут же начинала его воплощать в жизнь. О последствиях она обычно начинала думать, когда те ее настигали. Как-то она в Бирмингеме сунула черенок лопаты в колесо мотоцикла: женщина с ребенком заперла машину, а воришка на байке сдернул сумочку с ее плеча. Дженни выхватила лопату у рабочего и – тыц! прямо в колесо! Как этот ворюга летел – через всю улицу, удивительно, что шею не свернул. Лопата, правда, в щепки. Зато преступник не ушел от возмездия.

Едва она открыла дверцу, как зверь бросился вперед. Дверь сотряс мощный удар – энергично работая всем телом, он просунул в проем узкую морду. Рыжего цвета с коричневым отливом, машинально отметила Дженни, пытаясь сдержать напор редкого животного, которое, утробно рыча, рвалось на волю.

– А ну цыц! Я тебя спасаю! – Дженни щелкнула зверя по лбу. Тот отскочил в глубину клетки.

– Так-то лучше. – Девочка приоткрыла дверцу шире.

Зверь зарычал. «Только подойди», – недвусмысленно предупреждали пылающие янтарные глаза с узкими прорезями зрачков, а когти расцарапывали пластиковый пол. «Тогда уж живого места не оставим», – обещали сверкающие клыки в приоткрытой пасти.

– Ты не очень похож на химеру, – озадачилась девочка. – Нет в тебе ничего такого... химерического. Значит, ты мадагаскарский лев. На кошку больше смахиваешь.

Услышав ее, зверь мяукнул. Голос у него был хриплый, простуженный.

– Не хочешь быть кошкой? – улыбнулась Дженни. – Ладно, будешь львом. Львенком. Договорились?

Мадагаскарский львенок пристально сверлил ее янтарными глазами и ожесточенно колотил по бокам длинным хвостом. Света фонарика не хватало, чтобы хорошенько разглядеть животное, Дженни, недолго думая, сунула руку в клетку и схватила его за шкуру.

Зверь растерялся от такой наглости и даже позволил себя вытащить. Однако, когда Дженни подняла его (надо сказать, зверюга оказалась довольно тяжелой), львенок начал вырываться. Дженни пришлось держать его двумя руками, и она забыла и о фонарике, и об осторожности. И вот тут-то контрабандное животное себя и показало. Зверь схватил Дженни за левую руку и с рыком пустил в ход разом и зубы, и когти. Девочка с трудом сдержала вопль и уже было замахнулась на зверюгу, но в последний момент взяла себя в руки и прижала ее к груди. Было страшно и больно, но она отчего-то знала, что надо вытерпеть, выстоять, а иначе все будет очень плохо.

– Ну что ты, маленький, все хорошо. – Она пригладила взъерошенную шерсть, круглые ушки, и зверь ослабил хватку, перестал рычать.

Львенок разжал челюсти и неуверенно лизнул руку. Дженни выдохнула, опустилась на землю. Зверек выпрыгнул и сел рядом.

Девочка зажала фонарик в зубах, сняла разодранную перчатку и перевязала разорванное предплечье. Крови было не очень много, но царапины сильно болели, и Дженни старалась не глядеть на них. В цирке она и не такое видала, но при виде собственной крови ей стало дурно.

– Что, монстр с Мадагаскара, доволен?

Львенок ударил гибким хвостом по земле. Зверь был странный: напоминал кошку, куницу, собаку и даже медведя одновременно, но сейчас Дженни было не до зоологических исследований. Разумнее всего было не трогать это животное вообще, но о безопасности стоило думать раньше – а такое было не в ее привычках. Дженни почему-то не могла его оставить.

– Пойдешь со мной, кровопийца? – она с опаской протянула ладонь. А ну как опять бросится?

Зверек обнюхал руку, потерся мордой и сел умыться, как обыкновенная домашняя кошка.

– Отлично, договорились.

Все шло отлично: мадагаскарский лев на свободе и, кажется, в хорошем расположении духа. Из побочных потерь – раненая рука, но это ничего – поболит и пройдет.

«Всего-то немного крови, и тебя любят, – подумала Дженни. – Надеюсь, с химерой все будет проще... Или не будет?»

Девочка осветила вторую клетку. Такого она не ожидала. Металлический ящик, в котором не было даже вентиляционных отверстий, меньше всего походил на клетку для перевозки животных. Массивные стенки, толстые заклепки, блестящая панель электронного замка. Банковский сейф какой-то.

– Зачем ее в такой ящик было запихивать? – Дженни осторожно потрогала металл. – Бедное животное, оно же задохнется.

Она выключила фонарь, чтобы лучше разглядеть клетку своим «вторым зрением».

...И отшатнулась, когда к ней рванулось синее пламя, ударилось и отлетело от стальной двери. Клубок живого янтаря прижался к ее ноге, хрипло, угрожающе зарычал. Ледяной огонь химеры умерил ярость, откатился к дальней стенке ящика. Девочке даже показалось, что с некоторым испугом.

– Вот так химера. Как же тебя оттуда вытащить?

«Шифр от замка Брэдли вряд ли скажет. Значит, надо придумать, как распилить этот сейф. Кусачками тут явно не обойдешься. Может, забрать с собой?»

Она попробовала приподнять ящик. Нет, безнадежно.

– Ты что думаешь, зверь?

Мадагаскарский львенок все еще рычал на ящик, и Дженни почувствовала, как в воздухе нарастает напряжение: между янтарным и синим пламенем протягивается незримая нить...

– Все, хватит!

Девочка поняла, что устала. Она подхватила львенка и решительно пошла домой. Сегодня она сделала все, что могла, и уперлась в большой металлический тупик.

– Прости, дорогая химера, я вернусь завтра с тележкой или дрелью, – извинилась она перед сейфом, в котором томилось неведомое существо. – А с тобой мы дома поговорим, – обратилась она к зверю.

Львенок продолжал глухо рычать, но чем дальше они уходили от химеры, тем больше успокаивался.

– Надо придумать тебе имя и объяснить Марко, откуда ты взялся. Будем думать вместе, иначе он нам не поверит.

Дженни шла в кромешной темноте, но для нее все вокруг сияло. На руках сопел мадагаскарский лев. Этот день начинался обыкновенно, а заканчивался удивительно.

Она ни разу не обернулась, а иначе увидела бы, как по металлической стенке ящика с тихим звоном расходится паутина мельчайших трещин.

Глава четвертая

Утро выдалось туманным, в белесом небе цвета жидкой овсянки на воде расплылся зыбкий диск солнца. В шесть утра цирк «Магус» еще спал.

«И только бесстрашный Калев, главный и незаменимый помощник Роджера Брэдли, укротителя опаснейших на планете зверей, встал с первыми лучами. Этим утром ему предстоит войти в клетку к свирепым хищникам, животным, страшнее которых не найти во всех лесах – от джунглей Амазонки до сибирской тайги».

Мальчик остановился перед клеткой, потерял пакет с кормом. Заходить, если честно, не хотелось. Калев осторожно открыл дверную задвижку. В просторной клетке было темно и тихо. Он глубоко вздохнул, включил на мобильном секундомер и быстро вошел внутрь.

– Еда! – крикнул он. – Где вы, гады?

И тотчас – черные глаза, серо-рыжий мех, белые резцы, цепкие лапы и острые когти – все разом обрушилось на него, закружило в вихре, исцарапало лицо, вырвало пакет из рук. Ошеломленного и оборванного, его выставили из клетки, и дверь, казалось, захлопнулась сама по себе.

– Белки! Белки! Белки!

Каждое утро проклятые грызуны издеваются над ним. Каждое утро он дает слово не входить к ним больше никогда. Но...

«Справишься с белками – справишься с кем угодно», – говорил Брэдли, и мальчик упрямо открывал дверцу, за которой его ждал многолапый позор.

Калев почесал голову, вытряхивая из волос ореховую скорлупу.

«Ого! – сверился он с секундомером. – На целых десять секунд больше! Вот это прогресс!»

Настроение у него сразу поднялось. Он даже провел пальцами по прутьям медвежьей клетки – пока звери спали, можно было позволить себе такую вольность. Здесь ему делать нечего: косолапых Роджер всегда кормил сам. Оставалось засыпать корм голубям и проверить собак...

Под ногами что-то захрустело.

Иней. Лед. Быть не может. Мальчик дотронулся до земли. Трава стояла, схваченная льдом до самых корней, и почва поросла мельчайшими кристалликами льда. Снег и лед. В середине августа. Замерзшая дорожка цвета темной зелени с серебром уходила за вольеры, в поле, и Калев с удовольствием прошел по ней, оставляя за собой черные следы на примятой траве.

Откуда взялась эта дорожка? Что за странные фокусы выкидывает природа с ночными заморозками, конденсацией влаги, фронтами холодного воздуха? Будь Калев метеорологом, то непременно задумался бы над такими загадочными погодными явлениями. Может быть, даже научную статью бы написал. Но Калев был помощником дрессировщика, и, по правде сказать, все эти вопросы даже не пришли ему в голову. Он просто веселился.

Ледяная тропинка привела его к глыбе льда почти с него ростом. Она возвышалась в тупичке, у двух постовавших вольеров, которые недавно купил Роджер.

– Офигеть!

Калев поехал – от глыбы тянуло холодом, как из распахнутого холодильника. Очень большого холодильника.

Откуда она тут взялась?

«Может, от самолета кусок льда отвалился? – предположил мальчик. – На высоте холодно, вот и обмерз. А потом снизился, воздух потеплел, вот от него кусок и отвалился». Про то, что самолеты могут обледеневать, Калев узнал в одной из передач «Дискавери».

«Нет, не похоже. Там все-таки куски поменьше будут. А может... комета?! – он вспомнил еще одну познавательную передачу. – Те вроде изо льда? Тогда ее можно продать каким-нибудь ученым. Телевизионщики набегут, наш цирк по телику покажут. Круто!»

Странно только, что не было кратера: кусище огромный, и яма от него должна быть глубокой, если он сверзился с такой высоты.

Калёб пригляделся к очертаниям глыбы. Ему вдруг стало еще холоднее.

– Не может быть... Нет...

Он провел ключами по льду. Раздался скрежет, и в узкой бороздке блеснул металл. Мальчик попятился.

– Нет... Роджер, ты опять притащил эту штуку?!!

Калёб со всех ног бросился к вагончику. Однажды... однажды он видел похожий ящик. Там такая тварь сидела! Нет уж, пусть Роджер сам разбирается...

Ледяной ветер обдал его сзади. Звонкий металлический визг, похожий на железный хохот, оглушил его. Он обернулся на бегу, и сверху обрушилась стремительная тень. Калёб успел закричать, а потом его с головой накрыла снежная лавина блестящих перьев, подхватил и увлек ледяной вихрь.

Утренний бриз с моря постепенно разогнал облака. На солнце заблестало металлическое хранилище химеры. То, что от него осталось. Герметичный кейс из селенитового сплава производства фирмы «Локк энд Компани» (толщина стенок – пять сантиметров, полная гарантия безопасности при перевозке биоактивных субстанций первой категории опасности!) был сброшен сильнейшим ударом. Пластины селенита развалились, словно цветочные лепестки, покрытые нежной вуалью ледяных игл.

* * *

...Дженни проснулась в прекрасном настроении. Воскресенье, можно поваляться в кровати дольше на целый час. А уже потом отправляться на репетицию. Ох, опять этот номер, бесконечные фляки, сальто вперед и назад! Подустала она от него, если честно. Вот везет же обычным школьникам – ходят в школу, делают уроки, гоняют на великах, роликах и скейтах по улицам и знать не знают обо всех цирковых мучениях. Вот скука! «Нет уж, – решила она, немного поразмыслив. – Я свой цирк ни на что не променяю».

– Дженни, поднимайся, а то кофе остынет. – Абсолютно неизвестным способом дедушка всегда определял, спит она или нет. Одно слово – фокусник.

С кухни долетал аппетитный запах. «Капучино и круассаны, – улыбнулась девочка. – С чего это Марко расщедрился?» Дженни зевнула, потянулась и охнула. На предплечье багровели глубокие длинные царапины и следы от укусов. Вчера она на ощупь разыскала аптечку и смазала царапины всем, что нашла. Не слишком разумно, зато помогло. Болит гораздо меньше. Девочка закуталась в одеяло, доползла до шкафа и торопливо поискала что-нибудь с длинным рукавом. Очень длинным. Обтягивающий кроваво-алый свитер вполне подойдет. Грязное и мокрое мини-платье закинула в корзину для белья. Кажется, скрыла все улики.

«Как там зверь?»

Она пошарила под кроватью, сначала с одной стороны, потом с другой. Зверь не нащупывался. Поднатужившись, она нашла картонную коробку, в которую посадила львенка. Подстилка – старая кофта – была на месте. А вот львенка не было. Дженни бросило в холодный пот. Если зверь проснулся и пошел куролесить по фургончику...

Она завернулась в одеяло, присела на кровать. Надо быстро придумать что-нибудь экстренное.

– Синьорита Далфин, хватит разлеживаться. А ну быстро встаем! – Марко заглянул на ее половину и с подозрением огляделся: – Чем это здесь пахнет?

– Ничем. Все как обычно, – притворно удивилась Дженни. Хотя она прекрасно чувствовала густой и терпкий запах звериной шерсти. – Тебе кажется.

– Кажется? Мне? – изумился Марко. – Милая, я двадцать лет показываю фокусы, у меня вообще нет воображения. Надо проветрить. – Фокусник подошел к окну и решительно раскрыл шторы. – Мама мия!

– Это что такое? – Девочка села. – Над нами Снежная королева пролетала?

На стекло лег полупрозрачный узор – иглы, кресты, звезды, сказочные пейзажи и фантастические птицы, чьи крылья и хвосты сливались в феерической красоты веера.

Джен, конечно, знала, что такое случается, когда на улице большой мороз. Но даже зимой в Англии не бывает настолько холодно. А сейчас вообще август!

– Заморозки, – растерянно ответил Франчелли. – Резкое похолодание. Перепад температуры, влага кристаллизуется на поверхности стекла. Но чтобы летом... хорошо, я обогреватель на ночь включил.

Фокусник был в замешательстве. С кухни донеслось негромкое шипение.

– Кофе!

Марко сорвался с места. Пользуясь моментом, Дженни вскочила, натянула любимые разноцветные шаровары и надела легкие спортивные туфли. Потрогала стекло пальцем.

«Холодное! – Капля воды побежала вниз. – Лед, настоящий лед!»

«Львенок! – тут же вспомнила она. – Куда он удрал?!»

Она полезла под кровать.

– Радость моя, ты что, не хочешь завтракать? – поразился откуда-то сверху дедушка.

Дженни задумалась. Внизу было уютно, пыльно и темно и стояла пустая коробка из-под соусов для спагетти, где должен был бы ворочаться мадагаскарский львенок. Можно же представить, что Марко ее не видит, да? Она понятия не имеет, что за зверюга разгуливает по дому.

– Вылезай.

Девочка отчаянно покачала попой, выражая свое полнейшее нежелание.

– Круассаны стынут.

– Пуговицу потеряла, – пояснила она, выбравшись.

– От какой детали гардероба? – Марко оглядел ее наряд, на котором не было ни одной пуговицы.

– Просто пуговицу. – Дженни напряженно изучала стремительно таявшие узоры на окне. – Любимую.

На кухне что-то упало.

– Дед! – воскликнула она. – Где же твои круассаны?! Пошли есть! Я такая голодная.

– Так кофе убежал, – пояснил Марко. – Я заново воду поставил. Ты ничего не слышала? Какой-то звук...

– Пойдем посмотрим! – отозвалась Дженни с энтузиазмом и, обгоняя Марко, побежала на кухню.

От входной двери, которая располагалась как раз напротив кухни, ощутимо тянуло холодом. Львенок уронил металлическую чашку – она еще качалась на полу – и исчез.

«Поймаю – убью! – Дженни оглядела половину Марко. – Вот куда он мог подеваться?»

Тут на кухню заглянул дед, и Дженни заплясала вокруг него ритуальный танец угощения в духе «дед, а не хочешь ли чашечку ароматного кофе, только, ради бога, никуда не смотри!». Марко с некоторым недоумением наблюдал за ее маневрами, но от кофе не отказался. Дженни болтала, хрустела круассанами, а сама высматривала, не мелькнет ли где нахальная рыжая мордочка, не махнет ли толстый хвост? Пару раз ей казалось, что она слышит легкий топот в комнате Марко.

Да, точно, он под кушеткой сидит!

– Я подумал про твои тесты... – раздумчиво начал фокусник.

Дженни рассеянно кивнула. Все ее внимание было там, под кушеткой.

– Может, отложим? Сдашь после Рождества, раз ты не готова. – Дед бросил на нее осторожный взгляд.

– Здорово, – вяло откликнулась Дженни. – Просто супер, да. Слушай, я погляжу книжки? Марко Франчелли поперхнулся.

– Да... конечно.

Девочка сорвалась с места, чуть не расплескав кофе, и прильнула к книжным полкам над кушеткой.

– Джен, там книги на итальянском.

– Мне всегда нравился этот язык! Оньи раньо а ун гваданьо нон силаньо – и все в этом духе. Короче, дед, не мешай. Видишь, я тянусь к знаниям?

– Это меня и смущает.

– Зря ты так про меня думаешь, – огорчилась Дженни. Она загнала львенка под кушетку и не давала ему выйти. А проклятый зверь кусал ее за пальцы. Разыгрался! – Я... очень... ранимая!

Львенок обиженно мявкнул, когда девочка его в очередной раз отпихнула, и Дженни поняла, что это конец. Баста. Провал миссии. Игра окончена. Но тут в дверь забарабанили.

– Марко! Франчелли!

Дверь распахнулась, внутрь ворвался холодный ветер, просквозил по полу, ухватил девочку за голые ноги.

«Блин, холодрыга какая...» – ежась, она запрыгнула на кушетку. Запустила руку между стеной и кроватью и очень удачно ухватила зверя за загривок. Дженни возликовала. Теперь бы вытащить его незаметно, и дело в шляпе.

– Заходи, Людвиг, – сказал фокусник. – Только дверь закрой, холодновато сегодня.

Людвиг Ланге вошел, и в вагончике сразу стало тесно.

– Да, погодка та еще. Потому и пришел.

– Погреться? – поднял брови Марко.

– Разве это мороз... – отмахнулся Людвиг. – Вот, помню, в Сибири, на гастролях, такой мороз стоял, что птицы на лету падали. И на земле раскалывались. В такую мелкую крошку.

Силач сдвинул массивные пальцы, показывая размер крошки. Выходило миллиметров пять.

– Марко, Билл собирает всех. Весь Малый... – Франчелли коротко кивнул в сторону Дженни, и Людвиг осекся. – ...Магус, – неловко закончил он.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, словно ведя безмолвный разговор, затем Марко пожал плечами и отправился за пальто.

Весь этот довольно странный диалог прошел мимо сознания Дженни, поскольку она была занята одной задачей – как удержать рукой под кушеткой тяжелого и сильного зверя, который не хочет там удерживаться. Дед переодевался, искал теплые ботинки, о чем-то еще спрашивал Людвига, а девочка распласталась по кушетке и из последних сил удерживала мадагаскарского львенка. Тот молча и упорно рвался на волю.

– Дженнифер, я скоро вернусь. – Марко задумчиво вертел в руках старую фетровую шляпу.

– Куда это ты? – Дженни неловко повернула голову, стараясь, чтобы это выглядело естественно.

Она просто решила прилечь. Просто, забавы ради, запустила руку под кушетку. И, используя чревовещание, изображает низкий звериный рык из-под кровати. Обычное дело, все так иногда делают.

«Слава богу, уходит!»

– У нас совершенно загадочное происшествие.

– Что случилось?

– Зима.

– Что?!

– Зима, – пояснил Марко Франчелли. – Снег, лед, коньки, рождественские носки на камине, колокольчики и Санта-Клаус. Обычное дело. У нас зима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.